

КРОКОДИЛ

№ 35 • ДЕКАБРЬ 1975

— Милиция!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

М. ЛЬВОВСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

БЕРЕГ ЛЕВЫЙ — БЕРЕГ ПРАВЫЙ

Даешь!

К этим местам приближаешься с понятным почтением. Слева — стародавняя резиденция казачества, остров Хортица, на котором нынче сплошная проза из стекла, алюминия, пластика — базы отдыха предприятий. А справа — настоящее чудо века — строительное, архитектурное, эстетическое — Днепровская плотина.

Еще издали замечаешь полыхающий над стройкой кумачовый призыв:

«Даешь Днепрогэс-II!»

И сразу веет на тебя дыханием первой пятилетки. Это тогда несметные полчища грабарей влекли лошадиной силой скальный грунт, землекопы «подкапывались» под третью норму выработки, водолазы, приладив эпроновские доспехи, сигали на дно, а запорожская знаменитость Женя Романько, улучив минутку, давала интервью иностранным журналистам...

«Социалистический организованный разум людей,— провидел Максим Горький,— побеждает стихию и победит ее...»

И победил. 10 октября 1932 года на торжественном открытии Днепрогэса имени В. И. Ленина командарм индустрии Серго Орджоникидзе с полным правом говорил:

— А сколько хныканий было среди маловеров, сколько было злорадства по ту сторону границы, когда мы начинали строить это гигантское сооружение... Неверующие и сомневающиеся, милости просим убедиться — Днепровская гидроэлектростанция вступила в строй!

Детище первой пятилетки честно трудится возле правого берега. А возле левого, на той же плотине, расположилась младшая сестренка. Она превзойдет старшую по всем статьям. Детище девятой пятилетки — Днепрогэс-II.

Она еще не достроена, но шесть турбин уже крутятся на полные обороты.

Гордое имя

Опять, значит, Днепрострой... Но разве сравнишь его с тем, первым? Где ломовые лошади, тачки, лопаты, телогрейки и прочие аксессуары тридцатых годов? Они остались только в кабинете начальника строительства Бориса Терентьевича Кузьменко, на холсте живописца — историческое свидетельство, что все это было.

Борис Терентьевич вспоминает, как дивился известный гидростроитель, ветеран первого Днепростроя А. А. Беляков, прибывший сюда через сорок с лишним лет в командировку из Москвы:

— Слушай, да у тебя тут курорт, отделение Пицунды! Ну, краны, экскаваторы, бульдозеры, БЕЛАЗы — это я вижу. А люди? Людей почему не видать, я спрашиваю? У нас, знаешь, какая плотность была? Один человек на один квадратный метр. У нас, бывало, один держит шлямбур, другой кувалдой бьет, третий динамит заряжает...

— А у нас,— смеялся Кузьменко,— другая формула: один БЕЛАЗ равен пятистам грабарям...

Времена не те, техника другая, и слово «темпы», когда-то рожденное, кстати, на Днепрострое, обретает иной смысл. Но что-то очень важное преемственно осталось и помогает творить второе чудо на Днепре. Это задор, порыв, энтузиазм — дух первой пятилетки.

Уже к вечеру того же дня, когда на заводе «Запорожсталь» приступили к формированию первой добровольческой бригады для ударной Всесоюзной стройки, комитет комсомола выбросил аншлаг:

«Вакантных мест нет!»

Но разве их остановишь? Все равно занимали очередь, пробивались через друзей и знакомых и клятвенно заверяли, что вообще-то да, я, мол, бесспорно, первый подручный сталевара (газовщик, токарь, теплотехник, экономист...), но могу быстро освоить любую иную специальность. А потому...

Следом за «Запорожсталью» на Днепрогэс-II делегировали наидостойнейших добровольцев кабельный, метизный и прочие местные заводы. А потом стали прибывать комсомольцы из Татарии, Армении, Молдавии, Узбекистана... Они чувствовали себя именинниками, потому что носили гордое имя — днепростроевцы.

Впрочем, обнаружил я в кадрах и семейственность. Сперва я наткнулся на это явление в машинном зале. Знаменитый бригадир электромонтажников Василий Алексеевич Карев стоял у своего любимого не то ротора, не то статора и распекал юного напарника. Оказалось — родного сына Алексея.

Потом мне попались две сестры: Оля и Валя Клочек. Боевые, веселые, красивые белорусские девчата стали на стройке дважды лучшими — и лучшими по профессии, обладателями переходящего приза «Комсомольские зори», и лучшими центровыми волейбольной команды.

А потом мне встретились даже муж с женой — Николай и Валя Керстюк. Трудятся на одном участке, занимают самые ответственные посты на стройке! Бетонщики они...

Продолжение легенды

Что скажешь, Женя Романько,
Ударница Днепра?
...Опалубка дрожит легко
Под сталью топора.
Бетон, уложенный тобой,
Нам с новым надо слить.
Опять за выработку бой,
Опять поэмам быть!

Эти стихи я прочитал в многотиражке.

Вы знаете, что такое штраблевка? Это когда в теле алмазно-твердой плотины надо вырубать сотни кубов бетона, а невозможно выковырнуть даже одну молекулу.

Бригада Алексея Кривопищенко, та самая, в которую влились газовщики, токари, бухгалтеры, получила задание штрабить. И растерялась. Как? Вычитали: есть безвзрывный метод. Засели за науку. И освоили метод. Бурили скважины, заливали водой, потом стреляли в них. Следовал довольно квелый гидроудар, который, однако, отсекал все, что надо.

Через полтора месяца со штраблевкой покончили.

Не тая гордости, Алексей Кривопищенко сообщил мне, что «сачков» у него нет ни одного. Опозданий, нарушений, происшествий — тем более. Иначе и быть не может — такие ребята, такая работа.

— Вот только с двумя пришлось расстаться,— вздохнув, вспомнил бригадир.— Одного, Володю Шустова, прямо из бетонщиков забрали в инструкторы райисполкома. И теперь он каждый день забегает к нам на полчаса. А второго бригада отрядила на БАМ...

Я рассказал о кривопищенковцах не потому, что они на стройке самые-самые. Парни того же Карева, или Антонова, или три Ивана из бригады Гейко, легендарные плотники Иван Петраков, Иван Шаец, Иван Кудинов, пожалуй, отличились больше. Ну, и первое место вкупе с наипочетнейшим призом — огромной переходящей «Кельмой ветерана», вручаемой седовласыми первостроителями — тоже держит другая бригада.

О кривопищенковцах я написал просто потому, что они рядовые строители Днепрогэса. Обыкновенные продолжатели легенды. И не более того.

Сила, сдвигающая скалы

С левого берега шла одна половина днепростроевцев, с правого, навстречу,— другая. На плотине они сошлись и пожали друг другу руки...

Так было. Нынче же на том, на правом берегу вроде никого не осталось. А соревнование «Берег левый — берег правый» сохранилось и действует безотказно.

Нынешний «левый» — это днепростроевцы современной формации, «правый» — все остальные, сопричастные: заказчики, проектировщики, поставщики и просто болельщики стройки.

Возьмем бригаду того же Кривопищенко, занимающуюся штраблением, и бригаду Естишина, прокатывающую на «Запорожстали» тонкий лист. Казалось бы, что между ними общего? А общее есть: государственное дело... Потому и соревнуются они между собой.

Запорожский трансформаторный завод, изготавливая для ГЭС оборудование, даже обогнал берег левый. Но самый горячий участок этого «межбережного» соревнования пролег через Харьковский турбинный завод. Вот только один эпизод: харьковчане в прошлом году на три месяца раньше срока изготовили третью, неплановую турбину. А запорожцы ее «закрутили», естественно, на те же три месяца раньше.

А сегодня энергетики Днепровской ГЭС-II уже выработали сверх плана примерно 50 миллионов киловатт-часов.

«Берег левый — берег правый»... Плюс флаги на флагштоках в честь победителей. Плюс упомянутая «Кельма ветерана». Плюс прочие моральные и материальные стимулы, включая новейший метод выдачи зарплаты: сама бригада определяет «коэффициент трудового участия» каждого: что наработал, то и получай...

Все это и есть приметы и примеры творчества масс. Все это позволяет двигать горы. Или, как минимум, днепровские скалы. В нынешнем, завершающем году девятой пятилетки строители работают с особым старанием. И это понятно: близится партийный съезд. Пущены еще две турбины (само собой, до срока), а третья, то есть по счету шестая, тоже дала энергию раньше, чем намечалось.

— Остаются еще две турбины,— сказал мне В. А. Карев. — Но жизнь у монтажника какая? Надо уже собираться на другую ГЭС, складывать чемоданы...

Да, впереди новые пути, новые дали — пятилетки десятой.

Днепрострой.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

МИМОХОДОМ

Время тянется, а годы летят.

Не умеешь экономить деньги — научись хоть тратить.

Л. СУХАНОВСКИЙ

Нимбом голову не заменишь!

В трудную минуту соглядатай всегда рядом.

Человеку надо почаще напоминать, что он мыслящее существо.

Новая порода Пегаса — водовоз.

Совсем плохо, когда плагиатор берется за перо, чтобы начать писать самому.

АЛЕКСАНДР КУЛИЧ

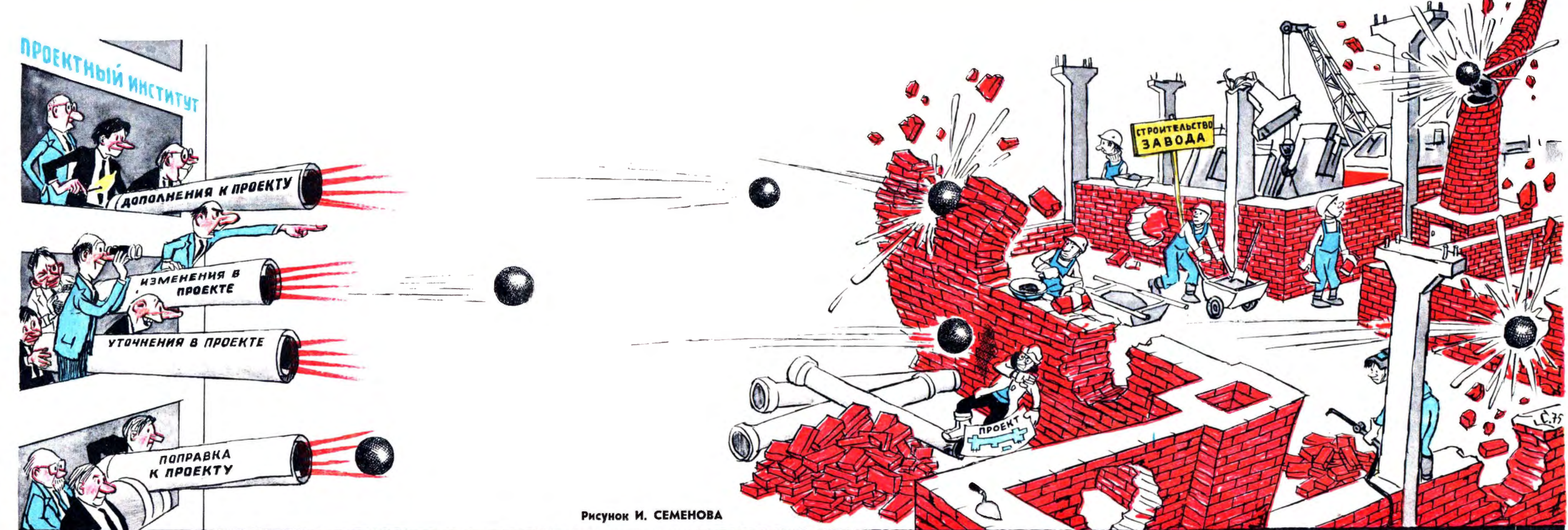
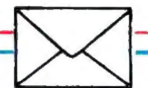

Рисунок И. СЕМЕНОВА

«Купили в культмаге нашей станицы детскую коляску, собрали ее дома и обнаружили уйму недостатков. Вскоре коляска рассыпалась...»

(Из письма в редакцию О. В. Прокопович, Краснодарский край, ст-ца Отрадная).

ВСУЧИЛЫ

Симпатичная блондинка
наяву, а не во сне
ровно полкило ветчинки
взвесила с улыбкой мне.
Развернул я сверток дома,
посмотрел: совсем не то!
Продавщица «Гастронома»
мне всучила черт те что!
Половина здесь — ошметки,
как обрезки от подметки,
их не описать пером,
их руби хоть топором!

Как-то я про этот случай
сослуживцу рассказал.
Тот хихикнул:
— Ты везучий!
У меня вот был скандал!
Не поверишь, скажешь — небыль.
В крупном магазине «Мебель»
«стенку» приобрел.
Ей-ей!
Отвалил пятьсот рублей!
Да-а, цена-а, браточек, так-то!
Хочешь — плачь, а нет — пляши.
Ладно! Все же вещь компактна,
что угодно для души:
и шкафы тебе, и полки,
и почти диван-кровать.
Только что в той «стенке» толку,
коль нельзя ее собрать?
Соберешь — опять помеха:
тут загвоздка, там прореха,
ящики притертые —
в гнездах, словно мертвые.
Обратился я к завмагу,
говорю: мол, так и так.
Но уткнулся он в бумагу
и бормочет:
— Вы чудак.
Что пристали, в самом деле?
У меня вы не один.
Вы же сами проглядели,
мы при чем здесь, гражданин?
— Ну так обменяйте «стенку»! —
крикнул я...
Горох об стенку!
Ухом не ведет всучила...
Вот оно какая сила!

— «Стенка» что! — вмешался третий,
наш услышав разговор.—
Летом я такое встретил!
Сомневаюсь до сих пор —
может, это наважденье
из разряда редких тайн:
в поле замер без движенья
с виду новенький комбайн.
Агрегат стоит под небом
и ни тпру тебе, ни ну!
А страда! Колхозу хлебом
надобно снабжать страну.
Тут не может быть заминки,
пять минут — и то ущерб!
Что ж поделать?
По старинке
заработал в поле серп...
Солнце жарит твердь земную,
и не веет ветерок,
а всучилы в ус не дуют:
обманули и — молчок!

Был такой девиз купецкий:
«Не обманешь — не продашь!»
Ну а как же по-советски?
Разве этот метод — наш?

Фельетонист

Знак Скверного Качества

Юрий БОРИН, специальный корреспондент Крокодила

СТРИПТИЗ ПО ТЕХНИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ

Если женщина покупает в магазине платье, это вовсе не означает, что она решила поссорить друг с другом два министерства.

Может, данное платье ей просто к лицу. Может, оно показалось ей таким, какого нет у ее ближайших подруг...

В общем, гражданка К. из города Абакана купила платье. Оно было сделано из лунного света, шепота трав и трелей соловья. Точнее, оно было сделано из ткани «Лучезарная». Кроме того, оно было сшито по последней моде, а это, как вы понимаете, что-нибудь да значит.

Гражданка К. надела обнову, а через пятнадцать минут она нагнулась, чтобы, извините, поправить чулок.

И тогда случилось непоправимое: платье начало расползаться по швам.

Гражданка К. ужасно поразилась. Она никак не могла взять в толк, почему совершенно новое платье из синтетической шелковой ткани, артикул 43101, стоимостью 26 руб. 20 коп., вытворяет подобные шутки. Вот почему гражданка К. обратилась в «Крокодил» с просьбой найти виновников этого, пардон, стриптиза.

На запрос «Крокодила» красноярское производственное швейное объединение «Заря», где сшили платье, прислало сразу два письма. Одно — покупательнице, другое — редакции. В письме гражданке К. главный инженер объединения О. Черемных «принимает и разделяет возмущение по поводу пришедшего в негодность платья, выпущенного нашим предприятием из ткани Московского комбината им. Свердлова».

Главный инженер с глубоким знанием дела сообщает, что «ширина швов в платьях массового производства стандартная, выполнена согласно техническим условиям». Причина брака — в ткани, у которой «в процессе носки выявлен скрытый производственный дефект — «осыпаемость», имеющий место вследствие большого скольжения нитей утка по нитям основы, т. е. независимо от ширины швов при сравнительно небольшом усилии в ткани производится раздвижка нитей».

Для нас, неспециалистов, из этого ясно по крайней мере одно: выходит, как ни сшей, платье все равно расползется по швам. Тут уже пахнет не индивидуальным стриптизом, а массовым раздеванием по техническим причинам!

В ответе «Крокодилу» О. Черемных сообщает еще более мрачные данные. Оказывается, «Красноярское производственное швейное объединение «Заря» получает много претензий от покупателей и несет большие убытки от скрытого дефекта «осыпаемость» в целом ряде тканей из искусственных нитей». При этом «предъявить претензии к поставщикам мы пока не имеем оснований, так как ткани соответствуют техническим условиям, утвержденным Министерством текстильной промышленности РСФСР, где дефект «осыпаемость» не предусмотрен».

Итак, текстильщики ткут свои ткани в точном соответствии с техническими условиями, швейники шьют платья, ни на йоту не отступая от технических условий, а платья носить нельзя. Они со скрытым дефектом, который открывается, как только это платье наденешь.

Да какой же он, к дьяволу, скрытый? И что это за технические условия такие?

В поисках ответа на эти вопросы я отправился в три организации: объединение «Росшелк», во Всесоюзный научно-исследовательский институт по переработке химических волокон и в Министерство легкой промышленности СССР.

И там я узнал массу любопытного. Оказывается, «осыпаемость» — вовсе не дефект, а свойство шелковой ткани из синтетического волокна. Химические нити скользкие, потому и расходятся. Кроме того, в каждой отрасли свои системы оценок, свои стандарты. У химиков одни, у текстильщиков другие, а у швейников третьи. Причем то, что хорошо для одних, часто плохо для других.

— Видите ли,— поведал мне заместитель начальника управления Минлегпрома Д. Е. Гурьев,— у нас все еще нет комплексной стандартизации. Пытаемся ввести, но увы...

И Дмитрий Ефимович грустно указывает на папку, где лежит проект нового ГОСТа.

— Текстильный главк подписал, а швейный упирается. Слишком разные у них интересы.

Обогащенный многочисленными сведениями, я возвращаюсь в редакцию. Проблемы одна другой значительнее теснятся в моем мозгу. И тут я вспоминаю о гражданке К. из сибирского города Абакана. А ей-то как быть в данной ситуации? И другим женщинам, купившим платья из ткани, созданной объединенными усилиями различных ведомств?

И я решаю дать им такой совет:

Дорогие женщины!

Покупая обнову, имейте в виду, что между некоторыми ведомствами пока не достигнута единая точка зрения по вопросу о стандартах. А посему рекомендуем вам в новом платье из синтетической ткани:

а) не нагибаться,

б) не садиться,

в) по возможности не двигаться.

И тогда вы не поссорите друг с другом два министерства...

— Какая же она домашняя, она дикая!..

Рисунок В. ЖАРИНОВА

— Восемнадцатый век, а шестеренки были — высший класс!

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Без руля и без ветрил

Москва — порт пяти морей.

На иных, конечно, это не производит должного впечатления. Ну, пяти так пяти, хорошо еще, что не шести, а то б вовсе не протолкаться в метро.

Но москвича А. Е. Ришина это просто зачаровало. Подумать только: пять морей! Это бризы, пассаты, за кормой кличут чайки, а ты знай себе прокладывай путь по созвездию Большая Медведица.

Короче, тов. Ришин пошел в магазин, купил лодку «Прогресс». Между прочим, изрядно выложил денег. И хотелось ему уйти если не в большую кругосветку, так хоть в малую по Верхней Оке.

И к тому времени, когда собрал он в нужном количестве тушенку свиную, всепогодные спички «Медведь», фальшфееры на случай водной трагедии и девятого вала, увидел тов. Ришин, что плыть на «Прогрессе» нельзя: слева и справа появились на ветровом стекле змейчатые трещины.

А в магазинах к «Прогрессам» нет запчастей. Наотрез.

Тогда написал А. Е. Ришин письмо на завод-изготовитель. И немедля откликнулся тов. Коган, начальник отдела сбыта: «Ваше заявление взято на учет и при первой возможности Вам будут сообщены условия приобретения ветрового стекла».

Минул год, с ним первая, вторая, третья возможности. Тогда снова напомнил о себе заводу москвич Ришин. Снова немедля ответил Коган: «Из-за отсутствия оргстекла Вашу просьбу выполнить не имеем возможности».

Умница Коган! Логик и большой молодец! Он-то знал, что за истекший год непременно лопнет пружина дистанционного управления лодки. А стало быть, вынужден будет Ришин отсесть от штурвала из-под прикрытия ветрового стекла в корму, чтобы управлять мотором вручную. Стало быть, и надобность в ветровом стекле отпадает!..

Ч. П.

Т. ШАБАШОВА,
специальный корреспондент Крокодила

Не отходя от кассы

Ну как описать радость, когда ваше дитя идет в школу! Первый раз в первый класс! Ваш Федик (Сашенька, Клашенька, Ромуальдик) — крохотулечка, которую, кажется, только вчера вы аккуратно, чтобы не уронить, принесли в одеяле из роддома, сегодня с портфелем отправляется в школу.

Виновник торжества подтянут и строг. Еще задолго до этого знаменательного дня его обмундировали и экипировали. В его портфеле солидно уложены канцпринадлежности, яблоко и зеленая папка из картона — «Касса букв и слогов» (объединение «Росигрушка» Министерства легкой промышленности РСФСР, Московский комбинат бумажных изделий).

Вот к этой кассе и приглядимся...

«Касса представляет собой двухстворчатую папку, — сообщается в «Указаниях для учителей и родителей». — В верхней части папки на обеих створках расположены в три ряда кармашки с буквами и знаками препинания. На кармашках напечатаны буквы, показывающие, в каком порядке они должны быть размещены. Ниже расположены кармашки для карточек со слогами. На каждую согласную отведено по два рядом лежащих кармашка. В первом кармашке размещаются слоги, в которых данная согласная буква сочетается с гласными буквами,— а, у, ы, о. Во втором кармашке — слоги, где согласная сочетается с гласными,— и, е, ё, ю, я. Слоги можно расположить в алфавитном порядке согласных, как показано на схеме, а можно располагать и в порядке их изучения по букварю, но также отводить на каждую согласную по два рядом лежащих кармашка... В папку кассы букв и слогов вложена касса для хранения заштрихованных цветных геометрических фигур и фигур фруктов и овощей».

Предположим, мы что-нибудь поняли из этих «Указаний», и почитаем дальше.

«Чтобы карточки легко вставлялись в кассу, кармашки нужно расправить. Для этого сделайте деревянную лопаточку в размер кармашка или возьмите другой предмет такой же формы и, вставив его в кармашек, слегка приподнимите».

Держи кармашек шире! Никакими «лопаточками в размер кармашка», никакими «другими предметами такой же формы», ни ногтями, ни режущими, ни колющими, ни выковыривающими орудиями злополучных кармашков не приподнять и не оттопырить. Напрасно мама хватается их корчевать маникюрными принадлежностями. Напрасно с возгласом «А ну, дайте-ка сюда!» вступает с ними в единоборство умелец-папа.

Намучившись и напыхтевшись часок-другой и осознав тщетность своих усилий, вы, к несказанному огорчению своего ребенка, выбрасываете «двухстворчатую» на помойку. А бабушка садится за швейную машинку и по своему усмотрению конструирует и шьет тряпичную кассу. Этим рукоделием с кармашками, не требующими для своего вскрытия ни совковой лопаты, ни луча лазера, дитя и пользуется в процессе обучения.

Однако уточним: не одно дитя — миллионы.

Миллионными тиражами выпускается заведомо бросовая касса! И прислушайтесь, товарищи! Особенно те, кому в магазинах отпускали виноград в шляпу и соленые огурцы в пригоршню, кто, обливаясь огуречным рассолом, едва доносил эти «фигуры фруктов и овощей» до дому, — СТО ТОНН КАРТОНА РАСХОДУЕТ ЕЖЕГОДНО НА ЭТУ КАССУ упомянутый выше Московский комбинат! И выпускается эта продукция не год и не два, а **двадцать пять лет** кряду! Так что помножьте, дорогие товарищи, эти сто тонн картона на четверть века, приплюсуйте к этому слезы разочарования миллионов детишек, и вы получите хотя бы некоторое представление о масштабах бесхозяйственности.

Кто же этот масштабный бесхозяйственник? Кто обеспечил бракоделам тихое, безветренное, бесконтрольное житье?

Но если в возмущении азбукой-кассой единодушно сошлись семья и школа, то поиски виновных осложняются причастностью к этому делу многих лиц и организаций.

— Бумажный комбинат и его директор Юрий Владимирович Житкевич! — кричат одни.

— Объединение «Роспромигрушка» и его начальник Ксения Павловна Аверьянова! — перекрикивают другие.

— Министерство легкой промышленности РСФСР во главе с Кондратьковым Евгением Федоровичем! — уверяют третьи.

— Программно-методическое управление Министерства просвещения РСФСР в лице своего начальника товарища Стрезикозина Владимира Павловича! — настаивают четвертые.

— НИИ! — доказывают пятые.— Всесоюзный Загорский научно-исследовательский институт игрушки! Это он, не жалея научного живота своего, колдует над проектами образцов удобных азбук-касс из новейших полимерных пленок. Одной только переписки его конструкторского бюро с Программно-методическим управлением Министерства просвещения РСФСР хватило бы на добрый тираж «Королевы Марго». Им бы в КБ нашу бабулю, она бы мигом!

И только начали мы окончательно запутываться, как пришла посылочка с брегов Невы. От разгневанного родителя первоклассника Ухлова Л. Д. Так и есть! «Азбука-касса»! Негодная, конечно, а как же иначе? На сей раз государственный кармашек повыгребла Полиграфическая фабрика УМП Исполкома Ленгорсовета. По уровню качества ленинградская «Касса» может смело соперничать со своей московской товаркой.

Но что характерно: зам. нач. технического отдела Московского бумажного комбината Нине Григорьевне Леонтьевой «Касса» нравится. Нет, разомкнуть кармашки и втиснуть в них буковку она не может, напрасно скребет и впивается она в них ногтями. Но в принципе, заверяет она, касса очень даже неплоха, Московская оптовая база по торговле канцбумтоварами Роскультторга ее требует!

Спешим к базе-патронессе.

— «Касса» плохая,— признает управляющая базой Л. Б. Павлючикова.— Но ведь лучших нету!

А потребитель хочет лучшую.

Бракоделов нынче не жалуют. И если их продукцию выбрасывают в мусоропроводные тартарары, то бракоделов бьют по кармашку. Прямо на месте. Не отходя от кассы!

С тех пор, как по планете протарахтел, отравляя атмосферу, первый автомобиль, человечество неудержимо распадается на две части: автолюбителей и тех, кто счастливо не отягощен четырехколесным чудом. Для удобства назовем их в отличие от автомобильных людей людьми пешеходными, хотя, заметьте, вовсе не всегда передвигаются они с помощью ног. Им поезда и эскалаторы, самолеты и троллейбусы, теплоходы и тихо вымирающий гужевой транспорт.

Обратили ли вы внимание, читатель, как расставлены акценты в этом начальном абзаце? Тут — и «протарахтел», и «отравляя атмосферу», и ироническое «четырехколесное чудо», и не слишком завуалированный укол в слове «счастливо». Все это с потрохами выдает автора. Он не автолюбитель, нет, хотя, был грех, и выигрывал по лотерее «Запорожец», от которого благополучно и дальновидно отказался, предпочтя денежный эквивалент. И в то же время автор не пешеходный человек. Он велолюбитель, владелец чуда двухколесного, представитель третьего, стало быть, сословия, от имени которого давно уже порывался взять слово.

Сделать это было нелегко. Как и всюду в нашем нагуливающем благосостояние обществе, в редакционном коллективе автомобильная прослойка неуклонно растет. И оттого-то, быть может, нужды привилегированного первого сословия отражаются на страницах журнала оперативно и квалифицированно. Запчасти, гаражи, дороги, гарантийный ремонт, многосложные правила уличного движения, внутриведомственные разноголосицы тольяттинского гиганта... Да простит меня автолюбитель, если я дилетантски перечислил его проблемы не в порядке их значимости. Это для меня — земля далекая. Когда же я заикнулся было о делах велосипедных, то мне в ответ:

— Донкихотство! Кто станет теперь заниматься этим!

Внутриредакционную предвзятость мне удалось побороть, когда я на своем стареньком ЗИФе (место рождения — г. Пенза) вдвое быстрее добрался от редакции к центру столицы, нежели мой элегантный коллега на своих ошеломляюще новых «Жигулях». Чудес никаких. Просто у светофоров, где густо чадили «пробки», я преспокойно превращался во второе (пешеходное) сословие и аккуратно вел за рога свой двухколесный механизм вдоль кромки тротуара.

— Мда,— сказали в коллективе, который элегантный коллега честно проинформировал о своем поражении.— Дадим ему право печатно высказаться. Коли он обошел на своем драндулете современный транспорт...

Обошел. Но это ли главное? Разумеется, на городских артериях, где не сегодня-завтра начнется автомобильный тромбофлебит, велосипедистов обставит разве что «Скорая помощь» или кортеж прибывшего с официальным визитом короля дружественной страны. И это всего лишь одна-единственная костяшка на счетах, где мы с вами давайте-ка подобьем бабки. Прибавьте сюда бережное отношение к окружающей среде. Приплюсуйте бесшумность. И главное, не забудьте о козырном тузе. Это — здоровье, которое педали и два колеса охраняют бдительней разных там душей Шарко и сногсшибательных инъекций.

Теперь вы видите, читатель, что словосочетание «двухколесное чудо» в отличие от «чуда четырехколесного» не содержит и крупицы иронии. Радиола стерла с лица земли граммофон... В прошлое укатил пыхтящий паровоз с перемазанным кочегаром, вытесненный «возами» тепловой и электрической тяги. Но автомобиль не отменил велосипеда, он лишь грубо потеснил его своим самодовольно лакированным боком.

Справедливость торжествует, однако. Гремит в Соединенных Штатах велосипедный бум, подстегиваемый топливным кризисом. Машинами досыта забиты складские емкости, и за велосипедами — живые и рукописные очереди, вроде тех, что многостранично шелестят у нас за любым собранием любых сочинений. Все возрасты покорны велосипедной любви в Германской Демократической Республике — стар и млад, причем оба пола в одинаковой степени... Так бурно торжествует справедливость во всем мире и у нас тоже. Давайте же не совать палки в велосипедные спицы, а способствовать, ибо перед нами тот редчайший случай, когда в выигрыше все и никого внакладе.

Итак, на перегруженных столичных улицах даже такой скромный спортсмен, как ваш корреспондент, без труда обставил автомобильного аса. И это при том, что вся забота городских властей о нашем брате-велосипедисте сводится к щедрому оснащению дорог такой не без изящества выполненной картинкой:

Под суровым запретом для педального транспорта оказались в Москве многие важные магистрали. Поднатужившись, можно понять это грозное табу применительно, скажем, к респектабельному проспекту Калинина. Есть опасность: вдруг скомпрометирует велосипедист своей согбенной фигурой из прошлого века блестящие архитектурные формы века нынешнего? Но почему закрыта для велосипедного человека знаменитая кольцевая дорога, где предусмотрено все, кроме узеньких дорожек для двухколесных путников?

Очень может быть, что сегодня здесь и ни к чему такие дорожки. Не настолько шибко движение по кольцевой дороге, чтобы велосипедист помешал кому-то своим вертикально-плоским перемещением в пространстве. Но на насыщенных машинами улицах такие дорожки необходимы. Вот только когда наша архитектурно-планировочная мысль смирится с этим? Скоро ли наряду с тротуарами для пешеходов и полотном для автотранспорта привычный урбанистический пейзаж обогатится третьим обязательным элементом?

А там, глядишь (лиха беда — начало!), и велостоянки появятся. Сейчас как? Притулишь механизм к электрическому столбу у входа в магазин, и, пока продавец шинкует тамбовский окорок, всю шею вывернешь, бдительно поглядывая сквозь витринное стекло на своего двухколесного друга.

Но давайте закончим о стоянках. Какое уважающее себя предприятие не обзавелось ныне хотя бы крохотным пятачком для сотрудников-автолюбителей, а вот куда приспособить два колеса с рулем и рамой? Тут мой элегантный коллега опять утер мне нос. Роскошной асфальтированной площадкой оснащен двенадцатиэтажный редакционный корпус, но это — для журналистов-автомобилистов, а вот как быть журналистам-велосипедистам? Есть ведь и такие в наш исполненный престижности век. Помыкавшись раз, я сунулся было с велосипедом в вестибюль, но получил достойный отпор вахтера.

Так обстоят дела с велостоянками в присутственных местах, равно как и в местах общественного пользования. И если вы, читатель, не искушены в тонкостях велосипедного вопроса, то до чего же радужным представляется вам возвращение велосипедиста домой, где, наконец, можно спокойно приткнуть не обласканную судьбой машину! Вы ошибаетесь, неискушенный читатель. Снова сошлюсь на свой горький опыт.

Поначалу свой многострадальный ЗИФ я оставлял на ночь на лестничной клетке, замком приковывая его к перилам. Это вызывало нарекания со стороны подъездной общественности, но я терпел и приноравливался. В конце концов мир с подъездной общественностью был подписан. Но тут окрестные велолюбители, которых жутко мытарит проблема запчастей (хоть в этом мы находимся примерно в равном положении с автолюбителями) пронюхали о местонахождении остродефицитного товара. Словом, поутру я нашел свой ЗИФ без золотников. В этот день я не расковал его, как, впрочем, и в последующие три недели, по истечении которых исчезли сразу два колеса. Это мигом решило проблему золотников. Я отправился в магазин и купил их вместе с колесами.

— Но,— сказал я,— с меня довольно.— И, к ужасу жены, впер велосипед в квартиру.

В нашем малогабаритном уюте машина, разумеется, выглядела громоздким чудовищем, но постепенно и мы и наши гости привыкли к ней. Вот разве что жена еще время от времени находит, что велосипед не слишком гармонирует с сервантом, возле которого он отыскал свой постоянный приют. А между тем и в нашем доме и во многих других скучно пустуют подвальные просторы. Как бы славно вписались сюда велосипеды, детские коляски и прочая движущаяся утварь!

Стоп! Кажется, я свернул на зыбкую тропу прожектерства и мечтательства. Еще немного, и я заговорю о компактных складных велосипедах, какие способны сладостно ублажить неприхотливую велосипедную душу. Мировая велосипедная промышленность давно уже освоила этот удивительный механизм, да и у нас мелькали оптимистичные сообщения, что портативный отечественный велосипед вот-вот появится на прилавке, ан нет!

— Почему? — поинтересовался я у директора Пензенского велозавода им. Фрунзе Ю. Б. Рохлова.— Почему вы не налаживаете выпуск этой новой модели?

— А зачем? — в свою очередь, поинтересовался Юрий Борисович.— Нам и с обычными велосипедами мороки хватает. Никопольский завод, например, регулярно недопоставляет трубы. Кроме того, проводим реконструкцию завода собственными малыми силами, ибо где в Пензе найти генподрядчика?! Так что адресуйтесь на Пермский велосипедный завод. Складные они выпускают.

Я адресовался.

— Выпускаем,— подтвердил главный инженер завода Е. И. Мамаев.

— Но мало,— сказал я.

— Мало,— миролюбиво согласился главный инженер.— Основная продукция — мужские дорожные велосипеды.

Пока что, добавим мы. Ровно треть мощностей занята на автомобильном производстве: на Ижевский автозавод работают пермяки. Сейчас — треть, но дело уверенно движется к половине. Так что и здесь потеснило лихое первое сословие бесправное третье.

Между тем в магазинах нет не только складных — обыкновенных велосипедов. Сгинули. Бурно растущий спрос крепко обгоняет застывшее на месте предложение...

Итак:

— Донкихотство,— бросили мне.— Кто станет сейчас заниматься этим? Человечество прочно село на четыре автомобильных колеса, и два велосипедных вы под него теперь уже не подсунете.

Ради бога! Никто не собирается выдергивать из-под умного человечества комфортабельную четверку. Пусть катит на здоровье! Но зачем же пинать при этом велосипед? Пусть и на велосипеде катит человечество. На здоровье... Тем более что в двухколесном варианте пожелание это имеет, заметьте, не только переносный, но и прямой смысл.

— Наконец-то директор решил пожаловать к нам в цех.

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Мих. РАСКАТОВ

Летите, Голубев!

Считался Голубев в отделе
Родной конторы «Снабтромбон»
Экономистом.
А на деле
Совсем не им являлся он.
На роты цифр не тратя силы,
Он их ни разу не считал,
Не множил их и не делил он —
На деле Голубев... летал.
Всегда в пути, всегда в полете,
Жуя котлету на лету,
Жил не в квартире — в самолете,
Сегодня — в ИЛе, завтра — в ТУ,
Хоть мухи сроду не обидел
Конторы той бессменный зав.,
Он, видно, люто ненавидел
И телефон и телеграф.
Не говорил по телефону,
Своей работой увлечен:

— Пришлите срочно два тромбона
И плюс трубу и саксофон...
Не слал с оплаченным ответом
Скупых, но емких телеграмм:
«Отправьте срочно три кларнета
И плюс фагот и плюс тамтам»...
Нет, зав. был много деловитей —
Он возглашал на весь отдел:
— Летите, Голубев, летите!
И кроткий Голубев летел
За саксофоном и трубою,
Расчет и здравый смысл поправ,
Активно заменив собою
И телефон и телеграф...

Вращаясь в деловой орбите,
Порой мы слышим там и здесь:
— Летите, Голубев, летите!..
— Летите, Иволгин, летите!..
— Летите, Зябликов, летите!
Чего сидеть, коль средства есть!

И вот летает, словно стая,
Таких курьеров мощный штат —
И сами попусту летают,
И деньги попусту летят...

— Вы заказывали такси на семнадцать ноль-ноль?
— Я.
— Вам не повезло: я еду в парк...

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ГЛАС ВЫПИЮЩЕГО»

В городе Житомире такое обилие питейных точек, что даже в павильоне «Заправка сифонов» можно купить алкогольные напитки распивочно и навынос (см. фельетон М. Владимова «Глас выпиющего», № 22).

Как сообщает председатель исполкома Житомирского горсовета тов. Я. Ткачук, фельетон обсуждался на заседании исполкома в присутствии руководителей торгующих организаций. Им было указано на ослабление контроля за продажей алкогольных напитков. В настоящее время в одиннадцати магазинах сокращено количество продаваемых алкогольных напитков, в тринадцати — запрещена продажа вина в розлив.

«НЕСТАНДАРТНАЯ ФИГУРА»

Так называлась заметка, опубликованная в № 20 «Крокодила». Речь в ней шла о недостатках в торговле одеждой больших размеров.

Заместитель министра торговли УССР тов. А. Евтеев сообщил редакции, что совместным приказом Министерства торговли УССР и Минлегпрома УССР изготовление крупноразмерной одежды взято под контроль.

Министерство торговли УССР обязало областные конторы фирмы «Одежда» создать специальные склады, через которые должна поставляться крупноразмерная одежда. В магазинах заведены книги учета поступающих заказов от покупателей.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Прошу выписать мне дров, бывших в употреблении».

(Из заявления).

Копию сняла Г. Парунина, г. Москва.

«Заковряшин зимой вел себя спокойно, но, почуяв наступление тепла, стал заниматься фотографией».

(Из характеристики).

Выписал Г. Махмурьян, г. Норильск.

«Квартал № 29. Лица, поливающие или набирающие воду вне графика, будут заглушены».

(Объявление).

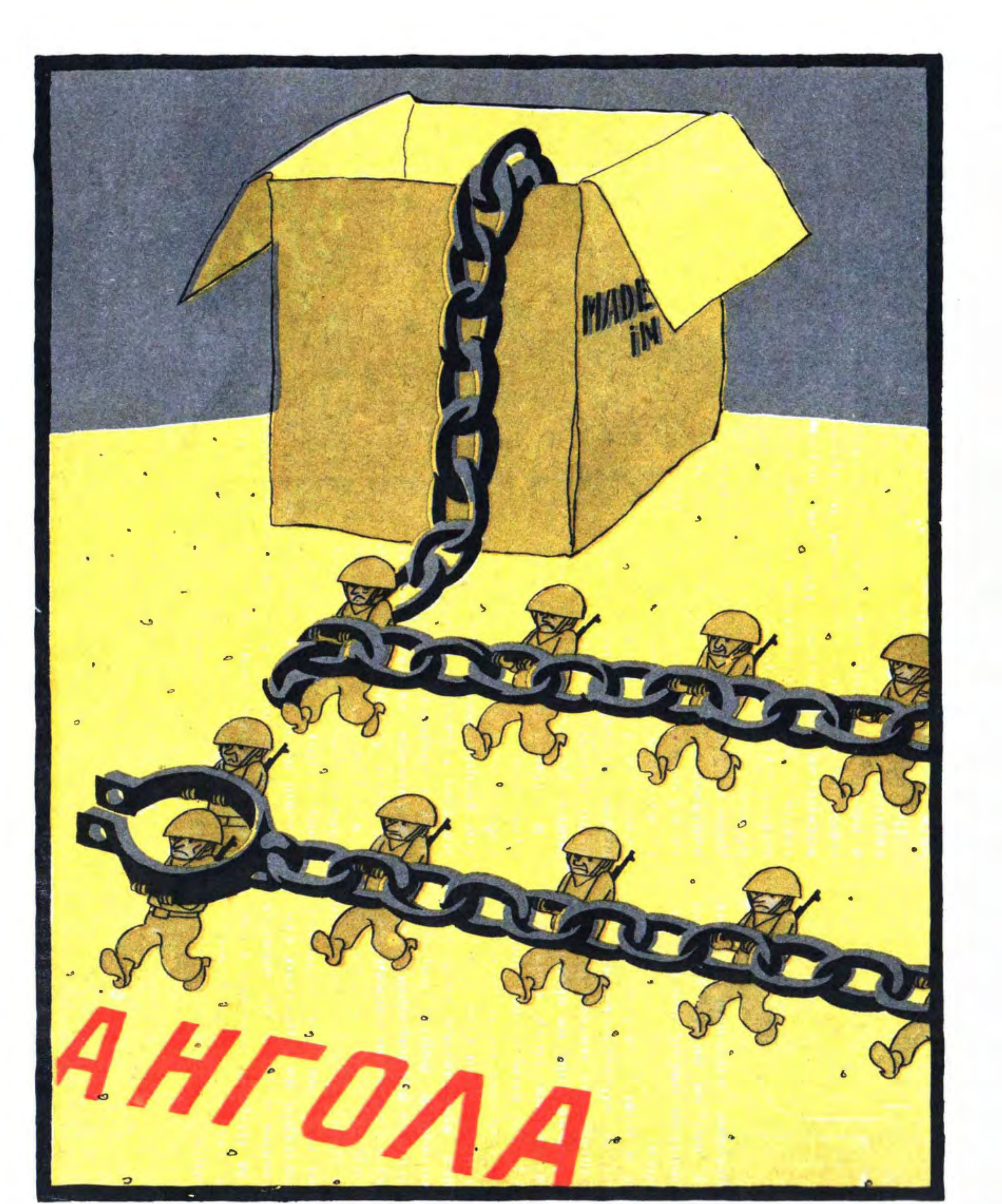
Прислал А. Михайлов, г. Челябинск.

«Ветер преимущественно юго-западный и западный, в периоды похолоданий — северо-западный и северный 5—10 миллиметров в секунду, с отдельными усилениями до 15 миллиметров в секунду».

Газета «Авангард», г. Углич.

«Суммируя экстерьерные и рабочие качества, судейская коллегия определила лучших спортсменов-собаководов».

Газета «Огни коммунизма», г. Балаково.

ЦЕПИ ЮАРОВСКИХ СТРЕЛКОВ В АНГОЛЕ

Рисунок Е. ГУРОВА

Цезарь СОЛОДАРЬ

Десант эмоционалок, или шалости израильской фортуны

Гастрольные поездки израильских златоустов в западноевропейские страны не редкость. Только возникает потребность подвести «юридическую» базу под какую-либо дурно пахнущую акцию сионистских правителей Израиля, немедля для обработки еврейского населения в страны Западной Европы прибывают батальоны испытанных ораторов из Тель-Авива и Иерусалима. А их европейские единомышленники, действуя в лучших традициях эстрадных импресарио, обеспечивают гастролерам бизоний рев публики, точно перед ней выступают короли бита и королевы стриптиза.

Одно время израильские посланцы особенно жадно хватали путевки в Бельгию. Там обычно их в избытке ожидало все, что радует жаждущего успеха гастролера, — аншлаги, топот ног и, главное, полновесные гонорары в виде сплошь заполненных подписных листов на денежные подношения.

И все же, как рассказали мне в Бельгии, за последнее время и туда не очень-то охотно стали наведываться израильские проповедники. Как ни фильтруют устроители публику, уж очень каверзные вопросики подбрасывает чрезмерно любознательная аудитория взопревшим гастролерам:

— Вы говорите, что израильская экономика сильна, как Голиаф. Почему же в который раз понадобилось девальвировать израильский фунт?

— Вот вы так красочно описываете достоинства израильских финансистов. А мы читали в израильских газетах, что «руководитель тель-авивских банков элементарно проворовались». Кому же верить?

Словом, неблагодарной это стало профессией — прославлять за границей политику государства, где правят сионисты. Едва приезжий оратор закончит выспреннюю речь,— самое, казалось бы, время пустить по залу подписной лист. А дотошные слушатели высыпают пригоршнями не монету, а уйму всяческих «почему?», да еще с режущими нежный слух гостей нехорошими словами: дороговизна, безработица, наркомания, милитаризация, аннексия.

И я, понятное дело, удивился, услышав от знакомого журналиста в Брюсселе:

— Вчера самолет израильской авиакомпании «Эль Аль» высадил у нас мощный десант ораторов-агитаторов. Пропагандистский батальон особого назначения. Учтите, оригинальнейший репертуар: никакой политики, никакой войны, никакой экономики. Разговор пойдет только о фортуне, о надеждах, о мечтах. И, разумеется, о любви. Неспроста прилетевшие гости именуют себя эмоционалами.

Точнее было бы — эмоционалками. Ибо на сей раз Израиль направил к бельгийским гражданам еврейского происхождения исключительно особ прекрасного пола.

«Не ворон грусти, а голубь радости»...

Коронным номером самой солидной по возрасту эмоционалки был глубоко психологический трактат «Учитесь оптимистически читать письма».

В нашу эру скоростной деловитости, утверждала сионистская гастролерша, «текучка жизни» не дает человеку времени осознать возвышенное, и он пишет письма исключительно на грубо материальные темы. Вкусил в Израиле счастья посещения наисвятейших мест и стриптиза чистейшей парижской пробы, а письмо родным посвящает — подумайте только! — такой обыденности, как низкая зарплата и высокие налоги. Отсюда следует вывод: критически относитесь к мрачным посланиям новоиспеченных израильтян, научитесь читать в письмах то, что в них не сказано. И затем, ради всевышнего, не показывайте письма знакомым и сослуживцам, письмо — вещь интимная. Израильтяне, дескать, больше писали бы вам о надеждах на удачный бизнес или о сугубо пикантных развлечениях, но им мешает боязнь, что их интимные письма сможет прочитать каждый встречный-поперечный.

Почтенная эмоционалка предусмотрительно умолчала о развернувшейся в Израиле шумной кампании «против плохих писем в страны рассеяния», которые объявлены главной причиной резкого сокращения притока иммигрантов. Зато гастролерша сумела вложить максимум металла в свою заключительную тираду:

— Пусть нелегко у нас новым израильтянам, но в каждом их письме надо видеть голубя радости и надежды, а не, как ныне повелось, ворона грусти и отчаяния. Пусть поймут наконец это все, кому дорога репутация нашей исторической родины!

Дореволюционные одесские куплетисты в таких случаях выражались менее витиевато: «Лопни, но держи фасон!»

Сказка о нью-йоркском принце и тель-авивской Золушке

По общему признанию, звездой гастрольной труппы стала тель-авивская Шехразада по имени Ципора, сумевшая эффектно совместить в своем туалете протертые до плешин джинсы с туникой древнего покроя из ультрамодной ткани.

Дело, однако, не в туалете, а в репертуаре. Он состоял из одной только захватывающей истории, которая, подчеркнула госпожа Ципора, не может никому даже присниться в любой социалистической стране.

Итак, жил-был в городишке Бейт-Шемеше (и не в глубокой древности, а нынешней весной) человек по имени Харар. Имел он мало денег и много дочерей — шестеро. Зато бедный папа Харар был убежденным сионистом, и господь его не забыл. Как-то раз самая младшая из дочерей Харара приехала на несколько часов в Иерусалим. И приметил ее сквозь стекло своего сверкающего «понтиака» Айзек Джемил, тридцатидвухлетний миллионер из Вашингтона. Любезно подвез прекрасную, но не очень-то изысканно одетую Офру к автобусному вокзалу. Настойчиво попросил продиктовать адресок.

А назавтра началось то, что госпожа Ципора назвала «явлением, свойственным исключительно свободной стране», а израильские газеты прорекламировали, как «чудо», «знамение времени», «сказку».

Молодой миллионер, прихватив папу-миллионера, пригласил отца Офры в иерусалимский отель «Хилтон» на обед. Тут же было сделано предложение руки, сердца и долларов.

И пошло, и поехало. Айзек примчался в Бейт-Шемеш с грузом подарков для потрясенной семьи. Предмету своей любви он преподнес колье стоимостью 45 тысяч фунтов да кольцо тысяч на пятнадцать.

На этом сказка не кончается. Айзек закатил в «Хилтоне» в честь помолвки шикарный бал ценою в 40 тысяч фунтов. И трогательно пригласил на пиршество провинциальных соучениц невесты, чтобы они впервые в жизни увидели грандиозную увеселительную программу, гвоздем которой была высокооплачиваемая исполнительница танца живота. А папе Харару Айзек открыл кредит в отеле «Хилтон», чтобы папа мог там поесть, попить и поспать, когда ему захочется.

На этом закончила свой глубоко поучительный для юных сионистов рассказ Шехразада из Тель-Авива. И, надо сказать, сорвала аплодисменты.

«Наполеоновцы» из маабарота

Зато другая эмоционалка провалилась в Брюсселе. Полный конфуз выпал на долю госпожи Матильды. Несмотря на заступничество сионистских администраторов, ее высмеяли и освистали. Виновницей ее фиаско оказалась седенькая старушка, обычно застенчивая и малоразговорчивая.

Случилось это, когда госпожа Матильда кокетливо сетовала на непомерные капризы некоторых израильских женщин. В своих требованиях к бытовому комфорту эти дамы опережают самых избалованных бельгийских домохозяек. И тут старушка, привыкшая по своей отсталости читать в письмах лишь то, что в них написано, отважилась прервать гастролершу:

— Кстати, о комфорте. Мне сын писал о страшном маабароте в городе Акко. Вы не можете сказать, когда будет покончено с этими чудовищными жилищами?

Госпожа Матильда ответила, что малозначительный городок Акко близ Хайфы действительно существует. Что же касается какого-то там маабарота, — никогда она о таковом не слыхала и посему просит уважаемую слушательницу не мешать ей закончить лекцию.

Но строптивые слушатели рассудили почему-то иначе. Помогли седенькой старушке взобраться впервые в жизни на трибуну и попросили прочитать письмо сына о таинственном маабароте. И услышали прелюбопытнейшие подробности о шалостях израильской фортуны.

Лет двадцать назад в Акко на так называемой Наполеоновской горке из бракованных асбестовых листов наскоро соорудили барачный поселок. Такие скопища лачуг в народе называют маабаротами. («Неужели же высокоуважаемая госпожа Матильда не читает своей прессы?») В аккском маабароте поселили сначала сто сорок семей переселенцев. Хайфские власти давали клятвенные обещания снести лачуги и на этом основании не ремонтировали их. А сами вскоре сколотили еще двести таких лачуг, и на Наполеоновской горке оказалось уже 2300 переселенцев. Сейчас бараки совершенно развалились, в них кишмя кишат крысы, змеи, скорпионы. Многие лачуги стали прибежищем для воров, наркоманов, проституток.

Старушка умолкла. Паузу нарушила гастролерша. Невнятно пробормотав что-то о фортуне, имеющей капризное обыкновение не ко всем поворачиваться лицом, она поспешила ретироваться из зала.

Конец сказки

Итак, из всего десанта эмоционалок выступила в Брюсселе с успехом только одна — госпожа Ципора, та, что столь душещипательно поведала о вашингтонском миллионере, влюбившемся в Золушку из бейт-шемешской сионистской семьи.

Но, как выяснилось, ее успех был добыт с помощью жульнического трючка. Тель-авивская Шехразада расчетливо упустила в финале своего повествования маленькую деталь, совсем-совсем крохотную.

Оказывается, отец счастливой невесты, услышав, что зять-миллионер открыл ему кредит в знаменитом отеле «Хилтон», застенчиво сказал ему:

— А-а, зачем бедному еврею «Хилтон»? Вы можете, дорогой зять, отблагодарить меня гораздо лучше, и, главное, вам дешевле обойдется. Ваш отец—умница, он еще полсотни лет назад эмигрировал из наших мест. Но, говорят, лучше поздно, чем никогда. Вывезите меня отсюда с моим грузом из пяти дочерей, и я тогда поверю, что вы действительно любите мою дочь! Ну что, по рукам?

Рассказав мне об этом, брюссельский бухгалтер, недавно вернувшийся из туристской поездки в Израиль, уверенно добавил:

— Вряд ли стоит осуждать папу Харара, правоверного сиониста и религиозного ортодокса, за такие дезертирские настроения. Если уж человеку привалила фортуна, то из нее надо выжать самое полезное!

Брюссель — Москва.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Димитр ПЕТРОВ,
Алекси АНДРЕЕВ
(Болгария)

Драконожурналистика

Журналистика имеет множество разновидностей. Существует журналистика буржуазная, социалистическая, зависимая, независимая, продажная, желтая, коричневая, херстовская, шпрингеровская. Но вот на Востоке взошла звезда журналистики совершенно нового типа, так называемой маожурналистики. И хотя она приняла на вооружение все приемы, тонкости и ухватки Херста и Шпрингера, маожурналисты развили их, обогатили собственным опытом и подняли на доселе невиданные теоретические и практические высоты.

Но оставим теоретизирование узким специалистам и лучше познакомимся с практикой маожурналистики. Ее лозунг: «Истинно то, что выгодно». Эта практика базируется на двух священных принципах, которые в дальнейшем в интересах краткости и ясности мы назовем в китайском стиле — Драконами.

Итак: ЛИНИЯ МАЛОГО ДРАКОНА — толкующая внутренние события в Китае.

Факт № 1. Многочисленные иностранные корреспонденты и очевидцы, бежавшие из Китая, сообщают: десятки тысяч рабочих в городе Ханчжоу, недовольных ликвидацией материального стимулирования и ухудшением их экономического положения, забастовали.

После кровавых вооруженных столкновений восемнадцать предприятий были оккупированы войсками и 10 800 солдат пытались привести в движение заводские машины, в которых они совершенно не разбираются. А тем временем вся провинция бурлила недовольством и протестами.

Этот факт, переработанный соответственно линии Малого Дракона и напечатанный в газете «Цзефанцзюнь бао», выглядит так:

«Новая буржуазия в городе Ханчжоу, толкнув народ в кровавую баню, пыталась восстановить капитализм».

Факт № 2. Китайские крестьяне, бежавшие из города, рассказывают о ширящемся недовольстве в коммунах. Рисовые пайки уменьшены во имя создания запасов для «предстоящей войны», а местные «ревкомы» преследуют тех, кто обрабатывает крошечные личные клочки земли, хотя это право и гарантирует новая конституция.

Подвергшись редактированию, упомянутый факт предстает в журнале «Хунци» в следующем виде: «Некоторые крестьяне пытаются зарабатывать деньги, продавая продукты легальным и нелегальным путем... В селах существуют условия, которые позволяют капитализму и буржуазии сеять яд».

А теперь ЛИНИЯ БОЛЬШОГО ДРАКОНА, повседневно вносящая ясность во внешнеполитические события.

Факт № 3. Мировая печать сообщает из ООН: все государства проголосовали за резолюцию, осуждающую агрессивную политику Израиля, направленную против арабских стран. Воздержались только США, Израиль и... КНР.

Большой Дракон сообщает об этом китайскому народу всеми средствами массовой информации следующим образом:

«Советский Союз готовится вонзить нож в спину арабских народов...»

Факт № 4. Советский Союз предлагает великим державам сократить расходы на вооружение на десять процентов с тем, чтобы предоставить высвободившиеся средства развивающимся странам.

Газета «Гуанмин жибао» интерпретирует это по-своему: «СССР грабит народы Азии, Африки и Латинской Америки».

Факт № 5. Все европейские державы подписали Заключительный акт в Хельсинки и единодушно признали, что мир на континенте упрочен.

Большой Дракон поспешил открыть глаза народам.

Газета «Цзефанцзюнь бао»: «Советский Союз угрожает безопасности Европы».

Информационный вестник «Цанькао сяоси»: «В Москве разработан план уничтожения лондонского метро» (!)

Можно было бы привести множество подобных ярких творений маожурналистики, но вряд ли стоит цитировать все эти благоглупости, так как их количество превышает тысячи пекинских «серьезных» предупреждений, посланных Мао Цзэ-дуном превозносимому им ныне американскому империализму.

Впрочем, и приведенных фактов достаточно, чтобы западные исследователи охарактеризовали современную китайскую прессу как «антижурналистику».

Характеристика эта верная, но неполная. Китайская пресса действительно «анти». Она антиправдивая, антинародная, антисоветская. Одним словом, «драконожурналистика».

Перевел Н. ДАВЫДОВ.

В США процветает торговля детьми.

СРЕДИ ВОРОТИЛ ЧЕРНОГО РЫНКА

— Ну как детишки, растут?
— Растут... в цене.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

— Сейчас, коллега, вы увидите, что такое «Кузькина мать».

Рисунок Б. ВОРОБЬЕВА

В. КАНАЕВ, специальный корреспондент Крокодила

Председатель колхоза «Восход» И. Н. Федоров построил для себя новый дом и, естественно, перед тем, как перебраться в него, решил обновить и обстановочку.

«Может быть, шифоньер загнать? — задумался Иван Николаевич, критически разглядывая убранство квартиры.— Так он почти что новый! А если телевизор сменить? Так неизвестно, какой еще попадется!»

Убедившись, что вся мебелишка дорога его сердцу, Иван Николаевич вышел во двор и тут увидел петуха, который гордо выступал среди своего куриного окружения.

«Петю продать соседу, что ли?» — подумал Федоров.

А петух, заметив хозяина, подобострастно вытянул шею и прекрасно поставленным голосом пропел:

— Ку-ка-ре-ку!

«Нет, Петю тоже захвачу с собой,— растроганно решил Иван Николаевич.— Он подает голос вернее, чем кукушка в моих ходиках...»

Но вот, идя на работу, председатель заметил табун лошадей, которые, неловко вскидывая спутанные ноги, щипали заиндевелую траву. Лошади были тощие, облезшие...

— Вот кого продать не жалко!

Тут дорогу председателю преградила отара овец.

— И этих можно ликвидировать,— сказал себе Иван Николаевич.— Говорят, баранина вредна для здоровья.

Председатель продал табун лошадей, отару овечек, а заодно и флягу меда, от которого, как он слышал, развивается сахарная болезнь. Потом Иван Николаевич организовал бойкую торговлю сельскохозяйственной техникой. Она-то ему лично и вовсе ни к чему.

И вдруг в самый разгар торговли появился прокурор Вавожского района.

— Ты почему колхозное добро разбазариваешь? — нахмурился он.

— Мед вреден для здоровья!..— пролепетал председатель колхоза.

Однако прокурор был иного мнения о полезности проданного меда. Он завел на председателя колхоза уголовное дело. А затем в сельсовет, где председатель колхоза был депутатом, пришел мужчина в бежевом плаще. Он долго втолковывал председателю сельсовета А. А. Охотниковой, что Федоров, дескать, исправится. А так как мужчина в плаще занимал в районе весьма ответственный пост, Охотникова ему поверила. Сельский Совет решил не давать согласия на привлечение своего проштрафившегося депутата к уголовной ответственности. И прокурор сдался.

А тем временем Иван Николаевич с удвоенной энергией продолжал готовиться к новоселью. Он приказал разбирать сельскохозяйственную и прочую технику на запчасти, которые стал сбывать на сторону. Одному частному лицу он продал набор запчастей на шестьсот двадцать шесть рублей. Потом у него же купил эти запчасти и собрал из них для себя отличный «газик», который был так необходим для переезда на новое местожительство. А вся эта операция с подставным лицом понадобилась, сами понимаете, для конспирации. Не мог же председатель продать колхозную машину самому себе...

Потом Иван Николаевич продал уже другому лицу по дешевке новенький «Москвич». И тут его тоже можно было понять. Второе лицо было женихом любимой дочери...

Одним словом, торговля приняла такой широкий размах, что ею заинтересовались уже в республиканской прокуратуре. В колхозе собрали общее собрание... Но тут появился все тот же мужчина в бежевом плаще. Он пришел на общее собрание колхоза «Восход», и все присутствующие вежливо приветствовали его:

— Доброго здоровьичка, Анатолий Иванович!

А. И. Костяев возглавлял районное производственное управление сельского хозяйства. И к слову говоря, доводился Ивану Николаевичу кумом...

Начальник управления выступил перед собравшимися с короткой речью.

— К сожалению, председатель колхоза не пожелал явиться на собрание,— строго посмотрел в зал Анатолий Иванович.— Но я привык критиковать невзирая на лица. Еще в прошлом году было ясно, что Иван Николаевич поступал неправильно. Скажу больше — некрасиво. Но, товарищи, человек проработал на посту председателя колхоза десять лет!..

Однако, несмотря на красноречие оратора, общее собрание избрало другого председателя колхоза.

Впоследствии И. Н. Федорова за разбазаривание колхозного имущества из партии исключили, депутатский мандат отобрали. Но к тому времени уже был готов новый дом, предусмотрительно построенный в другом районе. Иван Николаевич поспешно собрал свои пожитки и был, как говорится, таков.

Предстоящее новоселье было испорчено повесткой в суд. Судили Федорова И. Н. по всей строгости закона. Судья объявил, что прежде, чем въехать в новое, благоустроенное жилище, Ивану Николаевичу придется три года пожить в колонии общего режима...

— Но, — голос судьи внезапно потеплел,— в соответствии с недавним указом об амнистии вы, гражданин Федоров, свободны...

Тем не менее Федоров снова явился в суд. На этот раз уже по собственной инициативе и не в роли ответчика. Он подал иск... на свой бывший родной колхоз «Восход». Бывший председатель вспомнил, что, когда находился под следствием, принимал участие в ревизии своей собственной преступной деятельности, и теперь требовал за свои труды ни много ни мало — месячный оклад.

И хотя даже в табеле не было отметок о выходе Федорова на работу во время ревизии, народный судья Вавожского района А. Д. Морозов удовлетворил иск. Для судьи оказалось вполне достаточно подписи экс-председателя в акте ревизии.

— Конечно, гражданин Федоров ободрал колхоз как липку,— вздохнул судья. — Если правление хочет — пусть обратится к нам, и мы охотно рассмотрим его исковое заявление...

Но искового заявления от колхоза по сей день так и не поступило. Почему? Уж не потому ли, что кум И. Н. Федорова — начальник районного производственного управления?

Трудно поверить...

Вавожский район, Удмуртской ССР.

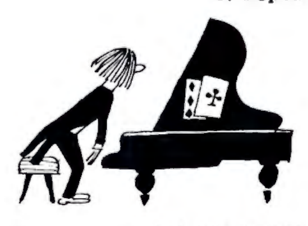
Камешки с Парнаса

Евгений НОВИЧИХИН

В мире искусств

— Скажу, дружище, без обмана,
Как знатоку тебе скажу:
Люблю играть на фортепьяно.
Я в этом прелесть нахожу.
— А мне такое слышать странно.
Ты забываешь об одном:
Зеркальный блеск
у фортепьяно,
Партнер все карты видит в нем!

г. Воронеж.

Владимир КАПНИНСКИЙ

На любителя

Он все заморское хвалил —
Ботинки, галстук, виски...
Его недавно грипп свалил,
Но вирус был английский!

Евгений ИЛЬИН

Не играет роли

Он, как актер, настолько мал,
Что горше не придумать доли:
Ведь то, что роли он играл,
В искусстве не играло роли.

Юрий НИКОЛЬСКИЙ

Нюх

Не пахнут деньги, говорят,
Неуловим их аромат.
Но почему же у хапуг
На них такой собачий нюх?

г. Рига.

Самиг АБДУКАХХАР

Не по адресу

Старик спросил ближайший путь
к вокзалу.
Прохожий озадачен был немало:
— О ближнем ты пути других
спроси,
А я давно работаю в такси!

Перевел с узбекского А. БОГУЧАРОВ.

Г. МАРЧИК

Рассказ

СОВЕЩАНИЕ

— Разрешите войти, Геннадий Яковлевич? — спросил Л. А. Брутов, всем своим видом выражая готовность действовать и быть полезным: писать докладные записки, справки, инструкции, ответы на письма, препроводительные и другие бумаги.

— Пожалуйста, — вежливо ответил Геннадий Яковлевич, откладывая в сторону газету и всем своим видом показывая, что готов уделить столько внимания подчиненному, сколько потребуется, но не больше. — Слушаю вас.

Когда Брутову так подчеркнуто вежливо говорили «слушаю вас», он терялся и забывал о том, что хотел спросить. Вот и сейчас он пришел отпроситься с совещания, которое было назначено на утро следующего дня. Жена уехала в командировку, и ребенка надо было самому отводить в садик. Вместо этого Брутов озабоченно кашлянул и деловито, как и подобает добросовестному служащему, спросил:

— Геннадий Яковлевич, я хотел уточнить, нужна ли сводка для представителя главка?

— Да, — сказал Геннадий Яковлевич, — это дельная мысль. Сделайте, пожалуйста.

— Спасибо, Геннадий Яковлевич. Спасибо. — И, осторожно прикрыв за собой дверь, Брутов вышел.

«Подхалим, хотя работник ничего, старается», — мелькнула мысль у начальника, и он вновь взялся за отложенную газету.

«Трус! — выругал себя Брутов. — А этот тип оторваться от газеты не может, отложил, а руку не отпускает, не терпится ему! Даже не поговоришь с ним как следует. Заходишь и боишься: вспомнит о каком-нибудь старом поручении и начнет пилить, все настроение испортит».

Брутов поспешно собрал бумаги со своего стола и запихнул в огромный кожаный портфель, похожий больше на чемодан и пригодный для дальних поездок в командировку и даже за границу.

Надо было готовиться к этому дурацкому совещанию. А Брутов терпеть не мог совещаний. Во-первых, потому что на них говорят об одном и том же. Во-вторых, потому что накануне Г. Я. предупредил, что на совещании, возможно, будет присутствовать вышестоящий представитель. В-третьих, на совещаниях Брутова почти всегда критиковали. Выработать иммунитет к критике он не мог. Ему почему-то казалось, что критика — это своего рода увертюра к приказу о снятии его с работы. В душе он люто ненавидел критику и считал ее одним из самых отвратительных пережитков. Но на словах он всегда поспешно соглашался с критикой и клятвенно обещал устранить все недостатки. Когда же критиковали других, то радоваться этому ему мешал страх, что сейчас разделаются с коллегой и примутся за него.

После работы озабоченный Брутов помчался на трамвайную остановку, затем с трамвая пересел на троллейбус и наконец через пятьдесят минут был дома. Поднимаясь по лестнице на пятый этаж, он вдруг со скорбью подумал, что надо было не идти домой, а съездить в магазин за раскладушкой. Она нужна, чтобы на ней переспала теща, а утром отвела в садик ребенка. Затем предстояло привезти тещу. Нет, лучше было бы вначале заехать за тещей, а потом уж с ней поехать в магазин за раскладушкой...

Все-таки, поразмыслив, Брутов поехал в магазин, купил раскладушку. Привез ее домой. Затем на такси помчался за тещей. Тещи не оказалось дома.

В груди у Брутова все кипело и клокотало. Время, которое он рассчитывал затратить на подготовку к совещанию, уходило на бессмысленные разъезды. Оказалось, теща поехала к ним. Телефона не было ни у тещи, ни у Брутова. Когда надо было о чем-то условиться, пользовались сложной системой. Брутов звонил своей тетке — у нее был телефон — и просил что-то передать кому-то из своих многочисленных родственников, друзей или просто знакомых. Тетка передавала это требуемому человеку. Затем ей снова звонил Брутов. Иногда они могли целый вечер переговариваться подобным образом. Тетка была терпеливой женщиной.

Правда, было одно маленькое неудобство — тетушка иногда увлекалась и вела себя так, будто она сама Брутов: давала от его имени согласие на прием гостей, на денежный кредит, на покупку вещей, принимала другие самостоятельные решения. Ну, да делать нечего — приходилось с этим мириться.

Брутов вернулся домой, и здесь его ждал удар: теща, уложив пятилетнего внука, только что уехала от них. В суматохе он не догадался написать ей записку, чтобы она подождала его. Было уже половина десятого вечера. Ноздри у Брутова раздувались, как у породистого жеребца. Надо снова ехать к теще. Чего доброго, она уже легла и ее придется вытаскивать из постели. Хуже всего, конечно, если она просто не захочет открыть дверь. С ней это бывало.

К счастью, теща еще не спала. Она смотрела телевизор и беззвучно хихикала. Она сделала ему знак рукой, чтобы он молчал и не мешал досмотреть передачу. Брутов безвольно опустился на стул. До сего времени с самого утра он ничего не ел. Без десяти минут двенадцать погас наконец экран телевизора...

Теща была в хорошем настроении и довольно легко дала себя уговорить. Правда, Брутову пришлось пообещать, что они поедут на такси. По дороге теща и Брутов в один голос ругали его начальника. Брутов сказал теще, что он отпрашивался у начальника, но этот садист и изверг не отпустил его. Когда они приехали к Брутову, то обнаружилось, что его сын поднялся после ухода бабушки, вытащил из портфеля и разорвал на мелкие кусочки все служебные бумаги, вырвал с корнями все цветы на окне, разбил вазу для фруктов — она давно привлекала его яркой расцветкой. Теща отпаивала Брутова валерьянкой.

Утром без пяти девять Брутов был на работе. Гладко выбритый, без единой царапины, в новом костюме, в начищенных до блеска туфлях. Толстый узел нового галстука подпирал подбородок. В девять часов все работники отдела расхаживали около кабинета начальника, но никто не приглашал их. Тогда они послали Брутова узнать, когда начнется совещание. Он осторожно приоткрыл дверь и вежливо попросил разрешения войти. Начальник отложил газету и вежливо разрешил, окинув Брутова строгим взглядом.

— Простите, пожалуйста, Геннадий Яковлевич, — с учтивой улыбкой спросил Брутов. — Будет ли совещание?

Геннадий Яковлевич помолчал, затем смущенно улыбнулся:

— Совещание переносится на завтра. Понимаете, через час мне нужно встретить на вокзале племянника...

Брутов, почтительно пятясь, вышел из кабинета. Геннадий Яковлевич вновь взялся за газету.

— Когда же кончится многосерийный телефильм?

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

Александр ЧИКАРЬКОВ

Рассказ

ЖЕНИХ ПОД СТОЛОМ

Из Дворца бракосочетания невеста с женихом, родные, друзья приехали в квартиру молодых и в чудесном настроении сели за хорошо сервированный стол.

Когда все уселись и было разлито шампанское, сослуживец жениха Виктор Романович встал и, высоко подняв бокал, торжественно произнес:

— За счастье молодых!

Все встали, с доброжелательными улыбками чокнулись рюмками с молодыми, затем между собой, выпили до дна и принялись за закуску.

Вино снова было налито, и двоюродный дядя невесты Назар Назарович во всю силу легких крикнул:

— Горько! Горько!

— Горько! Горько! — подхватили гости.

Невеста и жених улыбнулись, поцеловались.

Вино снова было налито, и подруга невесты, изящная Аллочка, мило покраснев, предложила тост за родителей жениха и тетю невесты, так хорошо, чудесно их воспитавших.

Все поаплодировали, чокнулись с родителями жениха и тетей невесты, выпили и принялись за горячий пирог. Вино снова было налито и по предложению двоюродного дяди жениха Иллариона Николаевича выпили за дружбу, за хорошую дружбу.

В десять часов родители жениха, тетя невесты, два родственника жениха, три подруги невесты подошли к молодым, поцеловали их еще раз, пожелали счастья и ушли.

Остальные гости остались.

Родственник Петр Степанович, у которого душа просилась наружу, подошел к жениху и предложил выпить за всех милых женщин. Жених с Петром Степановичем выпил за всех милых женщин.

Подошел Назар Назарович и предложил жениху выпить за всех присутствующих. Жених выпил за всех присутствующих, затем посмотрел на них долгим взглядом и полез под стол.

— Эт-то куда же? — озадаченно произнес Назар Назарович.

— Спа-ать! — ответил жених.— Желаю спать...

И уютно устроился под столом.

— Люда, обрати внимание, твой красавец спит под столом! — возмущенно проговорила жена Назара Назаровича Надежда Павловна.

— Пусть спит на здоровье,— спокойно ответила невеста,— он в своей квартире и может спать, где угодно.

— Стрр-анно...—пропела, высоко подняв брови, Надежда Павловна.

Назар Назарович выпил еще и во всю силу своего баса, приводящего в трепет соседей по дому, заорал:

Из-за ос-тр-рова на стр-режень,
На пр-ро-остор речной волны...

Жених из-под стола крикнул:

— Людочка, это что, мир животных по телевизору передают? Выключи, немедленно выключи... Желаю спать. Спать... И чтобы была тишина!

— Это почему же тишина?! — нахохлившись, заволновался Петр Степанович.—На свадьбе не полагается тишины.

— Желаю тишины! — ответил жених.— Желаю спать!

— Это возмутительное отношение к гостям! — прошипела Надежда Павловна.— Да еще животными назвал. Назар, домой! — распаляясь, закричала она.— Немедленно домой! Назар, кому я сказала?!

— Иду, Наденька, иду...— ответил Назар Назарович и, выпив на дорогу рюмку коньяку, ушел вместе с женой.

Илларион Николаевич, человек мыслящий, часто выступающий на собраниях, решил провести с женихом работу.

Крепко держась за стол, он голосом опытного оратора начал убежденно и проникновенно говорить:

— Дима, слушай. Конкретно и логично сообщаю тебе, что ты под столом. Это не место для жениха. Кроме того, это плохой пример для гостей. Такое поведение иначе как аморальным назвать нельзя. Я настоятельно требую, чтобы ты вылез из-под стола, и мы с тобой выпьем за трезвость. Да, за трезвость...

— Людочка! — позвал жених.— Надо мной комар жужжит. Прихлопни его. Спать не дает. Прихлопни сейчас же!

Илларион Николаевич, свысока посмотрев на жениха, возмущенно произнес:

— А-аморальная личность! — и величественно направился к выходу.

За ним ушли и все гости.

Когда за последним гостем захлопнулась дверь, Людочка подошла к столу, наклонилась и весело сказала:

— Димочка, можешь вылезать, все гости ушли!

— Ушли?.. Ну и чудесно! — проговорил Дима, вылезая из-под стола.— И теперь у нас, слава богу, тишина, восхитительная тишина!

— Подросткам не отпускаем!

— Ой, извините, ошиблась!

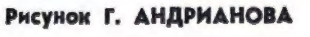

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Хлопок за Полярным кругом

Дед Игнат вышел поутру на колхозное поле и обомлел: вместо морковной ботвы с грядок ему кивали белые, словно первый снег, ватные коробочки.

— Батюшки, никак это хлопок!—перекрестился дед.— Уж не рехнулся ли я на старости лет? Хлопок! В Вятке! Да отсюда до Полярного круга рукой подать! И чего только не случится в наш атомный век!

Вероятно, такую лучезарную картинку представляли себе ташкентские книготорговцы, засылая в Киров тюки с книгой «Узбекский хлопок». Но ценное печатное пособие не сделало погоды в Кировской области — в прямом и переносном смысле. Погода осталась суровой, равно как и отношение северян к хлопкосеянию. В книжном магазине № 3 города Кирова скопились высокие пирамиды этой печатной продукции.

— Каким образом они здесь очутились? — спросила я директора магазина Нину Ивановну Шихову и начальника Кировского облкниготорга Михаила Васильевича Колошницына.— Их, наверное, следует отправить в Среднюю Азию.

— Ценный совет,— одобрили мою инициативу собеседники.— Мы бы им непременно воспользовались, если бы это «белое золото» не прибыло именно из Ташкента. Его привезли наши же сотрудники. Они-то и заказали там для Кирова контейнеры с литературой. А как же иначе выполнить план, если книгоснабжающие организации регулярно недодают нам продукции на тысячи рублей? Что касается пособия по выращиванию хлопка, то его нам сунули в виде «нагрузки».

...Нет, мы вовсе не против межобластного и межреспубликанского книгообмена. Но, наверное, обмениваться надо так, чтобы не посвящать вятского деда Игната в тонкости хлопководства, а его ташкентского коллегу Ибрагима — в теорию разведения северных оленей.

г. Киров.

В. ЖЕГИС.

Тише едешь...

Почтовые работники — те, что посылками да бандеролями занимаются,— по сравнению со своими коллегами-почтальонами ведут неинтересный образ жизни. В основном сидячий. И хотелось бы поразмяться, да некогда.

Но почтовики нашли-таки выход из положения, придумали себе игру. Берут в левую руку посылочку, в правую штемпель — и бац!.. Понеслась она со скоростью... Вот тут-то и начинается борьба за своеобразный рекорд. У кого позднее прибудет на место посылка, тот и считается победителем.

Пока что первое место занимают почтовики, обслуживающие маршрут Мурманская область — Ленинград. Расстояние в тысячу километров посылка преодолела за 50 дней. Восемьсот метров в час — такова рекордная скорость. На втором месте маршрут — Киргизская ССР — поселок Тындинский. Протяженность трассы — 3 300 километров. Время — 60 дней. Средняя скорость — 2 километра 200 метров в час.

Между прочим, обе эти посылки оказались продуктовыми. И когда они пришли к финишу, гражданин Шошин из Ленинграда и Скоробогатько с БАМа, как говорится, вынуждены были снять их с дистанции.

— Ну и что же! — не сдаются почтовики.— Может, это даже и к лучшему, что продуктовые. Послали вам, допустим, из солнечной Армении коньяк. Чем больше он будет на дистанции, тем выдержка больше — всем известно. Или, скажем, виноград из Молдавии путешествует в Уфу. Ну и пусть себе на здоровье катит черепашьим ходом. Получит счастливчик посылку, откроет, а там уже готовый изюм. Пеки пироги на здоровье!

Так или иначе, соревнования почтовиков продолжаются. Правда, пока еще не решен вопрос, как вручать призы победителям. Может, есть смысл отправлять эти призы со скоростью посылок?

Дм. СУКОНЦЕВ.

Сладкая жизнь

Ну и живут сейчас в сельской местности! Горожанам, небось, и не снилось. Каждый, кто ни пойдет в магазин, возвращается с конфетами. То-то ребятишкам раздолье! И устроил такую распрекрасную жизнь всего один человек—продавщица магазина Н. С. Пшоно.

Ну, а люди, простые покупатели, они добро разве ценят? В данном конкретном случае они, по-моему, его недооценивают. Потому что жалоб уж очень много. Все на эту продавщицу. Дескать, и хлеб она завозит неаккуратно, и нарушает правила торговли тем, что к каждой буханке дает в нагрузку 200 граммов растаявших конфет, и магазин не открывает вовремя.

Хорошо, что в торговых организациях, что повыше, люди понимающие работают, не очень-то на эти жалобы реагируют.

Может, конечно, кто из читателей поинтересуется: где же это такая сладкая жизнь? Пожалуйста, охотно даем адрес: Черкасская область, Корсунь-Шевченковский район, село Буда-Бровахская.

О. ПОПОВА.

Одичают или нет?

Ученых давно волновала мысль: что будет с современным цивилизованным человеком, если его лишить элементарных удобств! Одни говорили: одичает. Другие возражали: создаст комфорт из подручных средств.

Но вот на смену мудрствованиям и беспочвенным спорам пришел опыт. Его поставили работники жэка № 210 города Киева с ведома начальника РЖУ Московского района тов. Горского. Испытания жильцов проходили в доме № 14 по Васильковской улице.

Для начала дом был сдан с массой недоделок. Но нынешний новосел не промах: вооружился инструментом и все устранил. Тогда экспериментаторы стали подавать воду с перебоями. Горячую они вообще отключили по весеннему времени, а холодную цедили небольшими порциями. Выше шестого этажа она не поднималась.

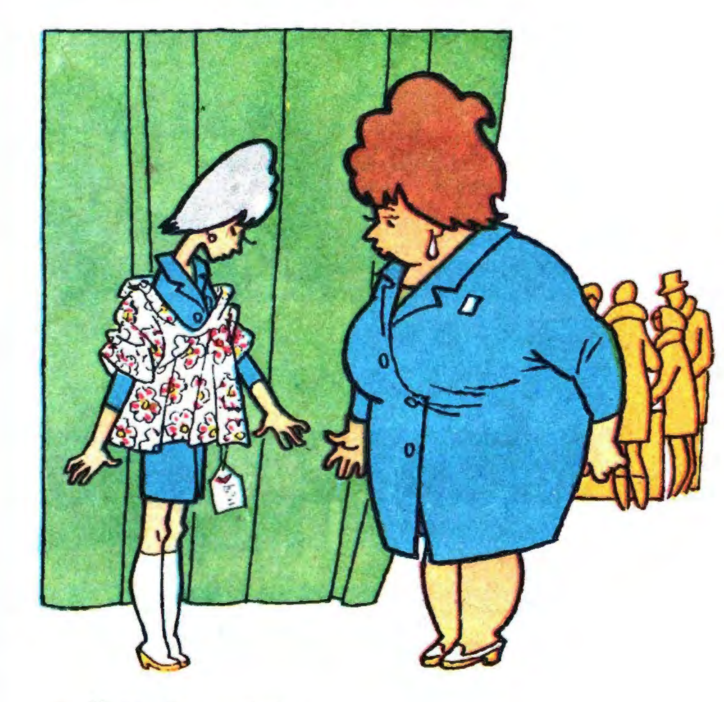
Испытуемые начали роптать. Но испытателей это не остановило. Продолжая опыты, они повредили подземный кабель, и телефоны в доме замолчали...

Таким образом, эксперимент успешно продолжается. И еще не известно, чем кончится.

М. К.

— Мне она мала...

— Мне она велика...

— Тогда пустим в продажу!

Рисунок Г. ВАЛЬКА

Иосиф Ильич ИГИН (1910—1975)

14 ноября скоропостижно скончался художник Иосиф Игин.

Всю свою творческую жизнь художник посвятил лишь одному виду изобразительного искусства — дружескому шаржу. Он рисовал тех, чей талант особенно любил и ценил: писателей и поэтов, артистов и художников, шахматистов и композиторов, людей творческих профессий. За свою жизнь он сделал многие сотни натурных зарисовок.

Немало альбомов с шаржами И. Игина выпустили различные издательства. Многие шаржи сопровождались его маленькими рассказами о тех, кого он рисовал; другие — эпиграммами известных советских поэтов, в том числе и Михаила Светлова, с которым художника связывала долголетняя дружба.

Поэту посвятил И. Игин альбом «Улыбка Светлова», за который художнику была присуждена премия Союза журналистов СССР. Этот альбом, пожалуй, лучшее из созданного им за последние годы.

Иосиф Игин часто любил цитировать М. Светлова, особенно его строчки: «Пожалейте меня, мне еще предстоит умереть...»

Никто из нас, его друзей, не мог предполагать, что это случится так неожиданно.

Борис Михайлович ЛЕО (1904—1975)

Скончался Борис Михайлович Лео — один из старейших советских художников, более полувека проработавший на самом боевом участке нашей графики — в ее сатирическом цехе.

Молодость Бориса Лео прошла в Одессе. Там он учился в Свободной академии художеств. Там, в «Одесских известиях», в 1922 году был опубликован и первый рисунок совсем юного карикатуриста, одобренный тогдашним наркоминделом Г. В. Чичериным.

С 1929 года Борис Лео работает в Ленинграде, в редакции «Ленинградской правды».

Когда грянула Великая Отечественная война, Борис Лео стал художником газеты «На страже Родины». Он был одним из зачинателей ленинградских «Окон ТАСС».

Для Бориса Лео была характерна работа по своим собственным задумкам и темам, но в дни войны художник воскресил на страницах газеты бессмертный и любимый солдатами образ Васи Теркина. Ежедневно в газетах появлялись политические карикатуры Бориса Лео, а с декабря 1941 года он начал сотрудничать в приложении к газете «На страже Родины» — «Прямой наводкой».

Последние четверть века удостоенный многих боевых наград художник-коммунист жил в Москве и трудился в «Крокодиле». Его творчество этих лет хорошо знакомо нашим читателям. Лучшие его работы останутся в золотом фонде советской сатиры.

ИЗ ЗАЛА — СЮДА!

Майя ИГНАТЕНКО,
специальный корреспондент Крокодила

Любыми средствами...

До нового года оставалось две недели. Отрывной календарь осыпался и таял на глазах. Руководство Кореличского межколхозстроя хваталось за голову: горел план, для выполнения коего не хватало ровно ста тысяч рублей...

И вот, ходят слухи, в один прекрасный день на Кореличи выпали невиданные доселе атмосферные осадки. Откуда-то сверху, прямо из сгустившихся свинцовых туч, выкристаллизовались шиферные листы и тихо спланировали на территорию Кореличской МСО. А иначе как объяснить волшебное появление шифера? Версия, что он был завезен согласно телетайпограммы за подписью председателя областной конторы Ю. Г. Иванова, не подтвердилась. Таинственно исчезли как сама телетайпограмма, так и ее черновик из телетайпной.

И. о. председателя Кореличского межколхозстроя Бабанский и старший экономист Пукелик прямо-таки оцепенели при виде такого богатства. Из состояния транса их вывел приезд самого Ю. Г. Иванова.

— Действуйте же! — воззвал он.

— Как? — беспомощно вопросили подчиненные.

— А вот как, — поставил двоеточие Иванов, после чего решительными мазками набросал схему действий.

И хотя схема эта показалась Бабанскому и Пукелик несколько рискованной, они быстро преодолели робость и смело пошли навстречу опасности.

Двое суток метались мастера МСО по колхозам и задавали председателям один и тот же вопрос:

— Шифер нужен?

Те проводили ребром ладони между галстуком и подбородком, что можно было, конечно, расценить двояко: «нужен позарез» или «сыт по горло». Но их понимали правильно, и на землю с костяным стуком крекера «Здоровье» сыпался вожделенный шифер.

Рачительные хозяева рдели от удовольствия:

— А мы уж и не надеялись. Сколько лет, сколько зим... Коровники некрытые.

— А теперь вот покроете. Но запишем как нашу работу. А не хотите...

Было ясно, что в следующий момент студеный ветер завьюжит шиферные листы обратно в кузов.

— Хотим, хотим,— торопливо соглашались председатели и одиночным выстрелом досылали стержни в стволы шариковых ручек.

Так за два дня до нового года в восьми колхозах Кореличского района были «выполнены» кровельные работы на сумму 43 112 рублей. Еще около 30 тысяч были «получены» путем несложных бумажных махинаций — вообще без всяких стройматериалов...

Январь ворвался в жизнь облмежколхозстроя громом победы: впервые за долгое время годовой план оказался выполненным на 100,9 процента. Фанфары заходились медными звуками, от бухающих ударов на литаврах лопалась кожа, а руководство, счастливо растерянное, старалось по справедливости распределить премиальные — без малого 100 тысяч рублей.

Квартальный план следующего года завершился еще более успешно. Он был выполнен на 101 процент! Но не загремели торжественные марши, где-то застряли уже выделенные на премии 28 тысяч. Потому что к этому моменту ревизоры успели вывести общую сумму приписок по областной конторе. За пять кварталов она превысила полмиллиона рублей.

Парад не состоялся. Капельмейстер замер с поднятой рукой. Пробки от шампанского так и не вырвались из проволочных каркасов. Вместо всего этого раздались грозные слова: «Встать! Суд идет...»

В ходе следствия было установлено, что из 22 подведомственных областной конторе организаций 15 имели самое прямое отношение к упомянутому полумиллиону. Правда, с шифером повезло только кореличанам. Остальным же пришлось проявить максимум изобретательности. Например, Берестовицкая МСО вписала в отчетность недостроенный жилой дом как уже сданный в эксплуатацию. Строительные организации Островца, Новогрудка, Ошмян и Гродно присвоили себе работы, выполненные трестами «Промбурвод», «Белсельхозтехника», «Центроавтоматика». И так далее.

Подсудимые скромно сознались, что идея приписок принадлежит им самим. Никто от них этого не требовал. От них требовали одно: давайте план.

...С легким испугом и еще более легким сердцем подсудимые возвращают тысячи рублей незаконно полученных премий. С просветленными лицами получают гремящие выговора. Тучи, которые собрались было над облмежколхозстроем, унесло антициклоном...

Но кто может поручиться, что однажды не раздастся телефонная трель и знакомый голос не произнесет знакомые слова: «Давайте план. Любыми средствами!»

г. Гродно, Белорусской ССР.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Богдан ПИОНТКОВСКИЙ
(Польша)

Попался

Продавщица пожала плечами и сказала:

— На вид человек вы образованный, а такой простой вещи не понимаете, что не полагается мрачно стоять у прилавка и своим видом отпугивать покупателей. Промышленность старается, применяет передовые методы, а вы тут стоите и фыркаете на продукцию.

Мне стало как-то не по себе.

— Видите ли,—стал я объяснять как можно более смиренно,— из этих шести пар туфель, что вы мне показали, все шесть жмут в пятке.

— По этому вопросу вам надо обратиться к ортопеду. Может быть, он предложит вам какие-нибудь вкладки, может, процедуры, может, просвечивание, может, еще что...

— Зачем все это? — удивился я.— До сих пор я всегда находил для себя подходящую обувь.

— То было раньше. Тогда шили на абстрактного среднего потребителя. А теперь научно-техническая революция — электронный мозг рисует фасоны, кибернетический попугай вытаскивает листок, на котором изображена модель, и автоматы шьют.

— Но я вполне типичный средний мужчина,— произнес я дрожащим голосом и вдруг вспомнил, что всегда ценил о себе обратное мнение дам: «Ты не такой, как все...»

Продавщица недовольно сморщилась:

— Машина лучше знает, кто типичный, кто нет. Кончились времена, когда покупатель приходил в магазин и капризничал. Знаете ли вы, чья пятка была взята за образец для номера сорокового этих туфель?

Я не стал гадать, но на всякий случай перестраховался:

— А я ничего плохого не сказал. Туфли мне очень нравятся. Фасон прекрасный, кожа мягкая и вообще первый сорт! Только вот в пятке жмут...

— Одним словом, покупайте или давайте вашу жалобную книгу,— категорически заявила продавщица.

— Какую жалобную книгу?— не понял я.

— А вы разве не знаете?— в свою очередь, удивилась она.— С первого числа жителям нашего района в порядке эксперимента присвоены персональные жалобные книги, чтобы торговые работники могли вписывать в них свои замечания о таких ворчунах, которым не нравится технический прогресс, которые критикуют и тем самым мешают выполнению торгового плана. Потом эти записи проверяются в вышестоящих организациях, и тогда, сами понимаете...

— Будьте любезны,— торопливо попросил я,— дайте мне вон те домашние шлепанцы. Я их покупаю.

Продавщица посмотрела на меня уничтожающе.

— Э, нет! — воскликнула она.— Теперь вы не отделаетесь шлепанцами за сорок злотых. Вы знаете, сколько стоит стране моя рабочая минута? Сколько покупателей я могла бы обслужить за то время, что вожусь с вами! А теперь вы хотите отделаться шлепанцами! Иначе говоря, вы толкаете наш торг на недовыполнение плана! Не выйдет! Берите две пары туфель, и никаких разговоров...

— Что тут происходит? — строго спросил солидный мужчина, выглянувший из-за двери с табличкой: «Директор».

— Ничего! — сказал я, поспешно доставая из кармана пятьсот злотых.— Я помогаю вам выполнить план, пан директор...

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

●

Встречаются два марсельца.

— Ты представляешь себе Атлантический океан?

— Еще бы!

— Я его пересек вплавь.

— А ты знаешь Мертвое море?

— Конечно.

— Это я убил его.

Слова, слова...

Пожилой возраст — это когда вид красивой девушки вызывает у мужчины воспоминания, а не надежду.

Из разговора двух карфагенских пенсионеров.

Иной раз мы обретаем крылья благодаря хорошему пинку.

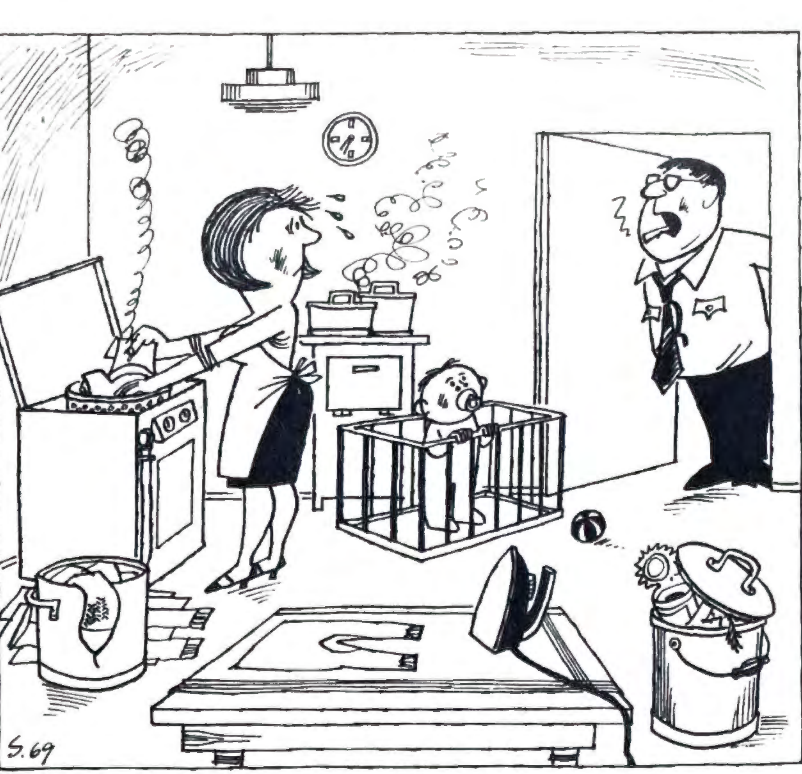
Из неизвестных воспоминаний Икара.

Если все станут рыцарями, кто же будет оруженосцем?

Девиз профсоюза оруженосцев Галлии.

Рисунки
Хорста ШРАДЕ
(ГДР)

— Ваш дурацкий шум мешает мне заниматься умственным трудом!

— Что здесь дают?
— Танцы.

Беседуют две мухи.

— До чего же люди глупы,— говорит одна.— Тратить безумные деньги на потолки и не пользоваться ими!

●

— Мне хотелось бы купить современный будильник.

— У нас есть как раз то, что вам надо. Взгляните на эту модель. Сначала он звонит, как обычный будильник. Если вы продолжаете спать, включается сирена, затем раздается звук артиллерийского залпа. Наконец, на ваше лицо выливается стакан холодной воды. Если же все это не помогает, он звонит к вам на работу и сообщает, что вы больны гриппом с высокой температурой.

●

Мсье Дюран обнаружил маленький ресторан, где он прежде никогда не обедал. Расплатившись, Дюран направился к хозяину ресторана:

— Мсье, мне хотелось бы обнять вас!

— Вам так понравилась моя кухня?

— Нет, кухня отвратительная. Я хотел бы обнять вас на прощание: моей ноги здесь больше не будет.

●

— Представляю, что будет, когда об этом узнает отец,— говорит мать, увидев на стуле чернильные пятна.

— Он уже знает,— отвечает сын.

— И что он сказал?

— «Представляю, что будет, когда об этом узнает мать».

●

— Признайся, Мартин, это отец помог тебе выполнить домашнее задание?

— Нет, господин учитель.

— И ты можешь дать честное слово?

— Честное слово, отец мне не помогал. Он сделал его сам.

●

— Значит, вы говорите, что у вас исчезла жена?

— Да, господин комиссар. Два года назад.

— И вы только сейчас заявляете?!

— Я до сих пор не мог этому поверить.

●

Вероника БЕРТОЛИ
(Румыния)

Справки по телефону

— Алло! Справочная склада слушает... Как к нам попасть? Очень просто. Садитесь на второй автобус, доедете до остановки Большой мост. Пойдете направо до угла. Да-да, там такая каменная стена. Ну забор. Нет, не очень высокий... Колючая проволока? Есть, но она ржавая и провислая... Что вы говорите? Ах, есть ли у нас цемент? Только что получили... Мешки лежат возле забора под зеленым навесом... Разумеется, у нас есть сторож. Только наш дед Тодор, бедняга, мучается ревматизмом. В такую погоду, когда то дождь, то снег, он не вылезает из сторожки. Собака? Конечно, есть и собака. Вся в деда — помирает от старости! Ну кто к нам залезет? По этой улице и народ-то не ходит! Стройматериалы? Я же вам сказала, что сегодня получили... Да, и доски тоже... Когда можно к нам приехать? Да когда хотите! Что, что? Я милая девушка? Познакомиться? Что ж, я освобождаюсь в шестнадцать ровно... Что? Сколько мне лет? Ну знаете! На такие вопросы я не отвечаю, это строгая тайна. Хорошо, встретимся на углу...

Перевел В. АЛИН.

КРОКОДИЛ

№ 35 (2153)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Вайсборд, Б. Воробьев, Е. Горохов, В. Жаринов, В. Мохов, Л. Самойлов, Ю. Степанов, В. Тильман, Е. Щеглов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 17/XI 1975 г. А 00935. Подписано к печати 27/XI 1975 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л., 4,54 уч.-изд. л. Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва. А-47, ул. Правды, 24. Отпечатано в ордена Ленина комбинате печати издательства «Радянська Україна», г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94. Тираж 5.850.000 (2 завод 3.619.901—4.126.650). Заказ 06724.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Несмотря на оптимистические заявления американских официальных лиц о «некотором оздоровлении экономики», им по-прежнему не под силу обуздать все усиливающуюся инфпяцию.

— Ну, теперь она в наших руках!

Рисунок А. КРЫЛОВА